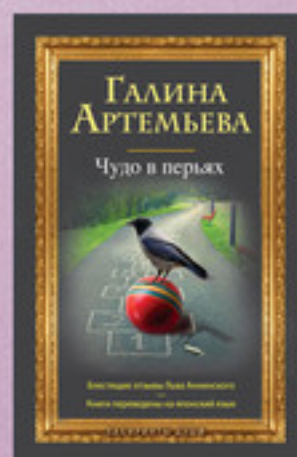

Галина Артемьева

Пикник

*Часть сборника
Чудо в перьях (сборник)*

Галина Артемьева

Пикник

«ЭКСМО»

2012

Артемьева Г. М.

Пикник / Г. М. Артемьева — «Эксмо», 2012

«В начале сентября в класс пришла новенькая. Не первого, как все, потому что несколько дней болела простудой. Она только что вернулась из Южной Америки и не переносила пока московского климата. В далекой невероятной стране ее папа работал военным атташе. Никто не знал, что это значит – военный атташе. Но звучало еще красивей, чем летчик-космонавт или олимпийский чемпион. Название страны тоже будоражило воображение в те времена, когда даже Польша казалась экзотической землей, полной недоступных невиданных чудес...» Рассказы Галины Артемьевой – мудрые, тонкие и честные. Все они – о нас, обычных людях, живущих своей привычной жизнью. Это истории о радости и печали, об искушениях и тех обыденных чудесах, которые порой спасают нас в самые тяжелые моменты, о равнодушии и безграничной любви.

© Артемьева Г. М., 2012

© Эксмо, 2012

Галина Артемьева

Пикник

В начале сентября в класс пришла новенькая. Не первого, как все, потому что несколько дней болела простудой. Она только что вернулась из Южной Америки и не переносила пока московского климата. В далекой невероятной стране ее папа работал военным атташе. Никто не знал, что это значит – военный атташе. Но звучало еще красивей, чем летчик-космонавт или олимпийский чемпион. Название страны тоже будоражило воображение в те времена, когда даже Польша казалась экзотической землей, полной недоступных невиданных чудес.

Дети уже неделю отучились и успели привыкнуть к тому, что они теперь все вместе называются 6 «Б» класс, а не 5-й, как прежде. Они успели забыть легкое первосентябрьское удивление переменам, произошедшим с каждым из них за лето: кто-то здорово загорел, кто-то вырос в почти взрослый рост, а кто-то так и остался маленьким и бледно-хилым, как в конце мая, перед расставанием, и это тоже поначалу удивляло, как некий непорядок, – вырастать за лето положено было всем.

Сейчас, когда на уроке русского написано было сочинение «Как я провел лето» и даже выставлены за него оценки, лето полностью ушло в давнопрошедшее, которое и не вспомнится никем из них, когда взрослыми станут, – так, светило солнце, зеленела трава, кусали комары, не было школы. Как каждое каникулярное лето – дано ли их отличить?

И тогда появилась эта новенькая, Орланова. Сначала, правда, каждый день приходила ее мать: брала домашние задания, чтобы ребенок не отстал от остальных. Мать ничем от других матерей не отличалась, была только чуть любопытнее других, хотела про всех все узнать, но это вполне понятно – другие мамы, сплотившиеся за пять лет школьной жизни детей, давно удовлетворили свое любопытство относительно окружения, в котором оказалось лелеемое ими чадо.

Орланова появилась как раз в тот день, когда их новая классручка заполняла последнюю страницу журнала: домашний адрес, телефон, место работы родителей. Вообще-то полагалось выписывать все сведения из личных дел и не тратить драгоценное время урока на вопросы не по теме, но какая же и без того замотанная всякой писаниной и мелкой суетой учительница будет следовать этому правилу?

Александра Михайловна простодушно дала классу задание по учебнику и принялась в алфавитном порядке поднимать детей:

– Так, Асланов Александр. Адрес?... Так, хорошо. Телефон?... Национальность?...

Шурик Асланов, их тихий маленький отличник, знавший ответы на все вопросы и безотказно дававший списывать всему классу, молчал. Он даже немножко покраснел. Для некоторых, кто понимал, в этом вопросе речь шла о стыдном. Однако беспроблемное большинство ничего такого не чувствовало.

– Ну же, Асланов, национальность! Армянин? А чего так тихо-то? У нас все национальности равны!

Класс захихикал. Шурик поник своей негордой умной головой.

А правда, чего он тогда переживал? Все еще было идиллически спокойно. До ввода войск в Афганистан оставалось целых два года, омерзительно-абсурдное словосочетание «лицо кавказской национальности» не могло возникнуть иначе, чем в шизофреническом бреде.

...Больше Шурику спотыкаться было не на чем, он спокойно назвал место работы отца: Московский государственный университет имени Ломоносова, заведующий кафедрой. А про мать сказал: домохозяйка.

– Еще бы, при таком-то папочке, – вздохнула о своем Александра Михайловна и подняла следующего по списку.

В принципе, ничего интересного не происходило: каждый год одно и то же – все знали, кто будет молчать на вопросы об отце, кто будет стесняться работы родителей. Все еще со времен детского сада привыкли к бестактности и наглой бесцеремонности, с которой позволялось лезть в их личные дела взрослым, потому что так надо.

Орлановой стесняться было нечего. Она, уверенно откинув с плеча толстую блестящую косу, отрапортовала про заграникомандировку родителей, про папу – военного атташе и маму – посольского врача.

– Сейчас папа работает в МИДе...

– У меня тоже отец военный, полковник, – отрекомендовалась сидевшая через ряд Ткачук, жадно желающая завладеть вниманием новенькой.

Та спокойно кивнула, приняла к сведению. Как-то само собой получалось, что теперь она будет главной в классе, она будет выбирать себе подруг, а не ждать, как положено новеньким, когда позовут в компанию.

Наконец очередь дошла и до Ткачук, потом до Торопова.

Люда Угорская напряглась, ожидая вызова.

Но Александра Михайловна выкликнула Федорова, Яковенко. И все. Список кончился. Ее так и не подняли. А тут и звонок прозвенел.

– Вы у меня ничего не спросили, – подошла девочка к учительскому столу.

– Ты – Угорская? Мне пока не надо. Ты так сиди, – прозвучал невнятный ответ.

Все уже толпились на выходе, торопясь попасть в сумятицу перемены.

Именно в эту шумную и бестолковую минуту не было, наверное, на всем свете существа, несчастнее Угорской. Подходя к заполненному чужими именами журналу, она еще на что-то надеялась.

Теперь – нет. Теперь – все.

– Мы, кажется, в одном доме живем? – подошла к ней зоркая новенькая. – Мне мама моя сказала.

– Может быть. Я не знаю.

Оказалось, действительно в одном. С ними увязалась Ткачукка, хотя ей было совсем не по пути.

Со стороны могло показаться, что светлым, тепло-зеленым днем возвращаются, оживленно беседуя, три закадычные подружки, беззаботные московские птахи в одинаковых черно-коричневых формах с красными галстуками. Алые пионерские символы имитировали жизнерадостность и даже подобие улыбки, как губная помада, густо нанесенная вслепую женщиной без возраста, рождает на ее лице подобие фальшивой клоунской бодрости: страшновато, но правила игры соблюдены.

Новенькая спрашивала обо всем: о характерах учителей, о том, кто в кого влюблен и кто что читает. Она оказалась прилично начитанной, вот только сейчас, болея, закончила «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, и Угорская, чуть отвлечшись от своего ужаса, заговорила о пушкинском «Путешествии в Арзрум», как Пушкину встретила повозка и как он спросил погонщиков: «Кого везете?» и те ответили: «Грибоеда». Страшная встреча.

– Это ему был знак, – вздохнула Орланова. – Знак собственной судьбы.

– Я в такое не верю, – убедительно изрекла Ткачук, – встретились случайно, ну и что?

– Их даже звали одинаково: оба Александры Сергеевичи, – задумчиво произнесла Угорская.

– Ну, мало ли...

Они были уже у дома.

Угорская сразу пошла к своему подъезду.

Эта новенькая была вполне нормальная. С ней могла получиться дружба. Они ходили бы друг к другу, книгами бы обменивались. Но не в этой жизни. В той, прежней. К себе она

сейчас никого не позовет, чего уж. Дома мама вся на взводе, то вещи какие-то лихорадочно перебирает, то плачет над старыми бумажками – письмами, что ли, рвет их, то пишет что-то стремительно. И во всех ее действиях как бы нет определенной линии, цели. А это для детской души страшнее всего – видеть, что взрослый, на котором сходится вся твоя жизнь, оказывается слабее тебя и даже больше тебя нуждается в защите. Такое ни для одного ребенка не проходит без последствий. Только кто об этом думает, когда собственная жизнь становится непрерывным кошмаром?

– Ты голодная? – спрашивает мама дребезжащим больным голосом. И не дожидаясь ответа: – Возьми что-нибудь сама.

А что взять-то? Варить макароны? Гречку? Ненавистный суп из пакетика с тюремным запахом? Она находила какие-то прошлогодние запасы смородинового варенья, пила чай, садилась за уроки.

Кому нужны эти уроки? Кто ее будет спрашивать?

Но уроки напоминали о прежнем тягуче-нормальном укладе жизни. Без них было нельзя.

Уклониться от важной любезности новенькой не удалось: на следующий день Угорская все же оказалась в гостях у Орлановой. Квартиры их были абсолютно идентичными по планировке: ряд одинаково больших комнат вдоль широкого длинного коридора. Люда автоматически открыла дверь кладовки у входа, чтобы повесить ветровку, – так заведено дома, верхняя одежда хранилась там.

– Нет, нет, – поспешно сказала Орланова, выключив свет и запирая кладовку, – сюда нельзя, это бабушкина вотчина.

Угорская все же успела заметить, что кладовка у них обставлена как комнатка – с диванчиком, столиком, только без окошка. Она увидела даже две большие суровые иконы в углу и трепетный огонек лампадки.

«Вот бы и нам сделать вместо захламленной кладовки комнатку. Она была бы полна тайн и интересных вещей, всяких таинственных штук, что продаются в антикварных на Арбате: коралловых кустов, огромных морских раковин!» – мечта вспыхнула былым счастьем, когда мечтать можно было обо всем, что угодно, и тут же едко зачадила ядовитым дымком неисполнимости.

Орланова гостеприимно, без хвастовства, показывала всякие латиноамериканские безделушки: маленькие сувенирные гитарки, широкополые шляпы, именуемые сомбреро, журналы мод и альбомы по искусству, среди которых выделялись роскошной красочностью и величиной неподъемные тома Дали и Босха. Угорская никогда не слышала этих имен, хотя из года в год посещала абонементные лекции по живописи в Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

– Да что ты! Это же величайший! – удивилась Орланова, раскрывая новой знакомой выверенно-безумный красочный мир Дали.

От всех шедевров Дали на Угорскую изливалась энергичная, четко дозированная расчетливая злоба мира, готовая, если позволишь себе всмотреться, поглотить тебя без остатка.

Босх, в отличие от Дали, создавал какое-то особого рода душевное равновесие: все его ужасы были исполнены тайнами и намеками, будоражащими детское воображение.

Пока Люда рассматривала фантастические нагромождения живописца-алхимика, Орланову быстренько покормили на кухне обедом. Это было удивительно не по правилам: у них дома и у всех других ее знакомых, если она оказывалась в гостях, даже незванно, на минуточку, обязательно усаживали за стол. Но Угорская не обиделась, она успела отвыкнуть от нормальной еды, и ей совсем не нравился запах супа, доносившийся из кухни.

– Вечно бабушка со своей едой, я и так жирная, – пожаловалась Орланова, вернувшись.

Жирной она, конечно, не была, но вполне упитанной – да. Впрочем, они еще не доросли до возраста, когда это станет смертельно важно.

Тут подошли внимательные орлановские родители. Внимательные не в смысле заботливые, а в смысле наблюдательно-интересующиеся. Стали спрашивать про школьные успехи, любимые предметы, свободное время. Интересовались они так искренне, что увлекли своим интересом к собственной персоне заброшенную с некоторых пор Угорскую, и та стала болтать с ними свободно и открыто, как в прежние, лучшие свои дни. Она даже поделилась планами на будущее – сказала, что будет филологом, как мама, но не лингвистом, а литературоведом.

– Вот это определенность! – восхитился военный атташе. – Тебе бы, Людмила, тоже не мешало так определиться.

Только сейчас до Угорской дошло, что Орланова – тоже Люда.

– А почему не по папиной стезе решила пойти? – умело выручила на дальнейшие расспросы о родителях любопытствующая мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.